
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРИПОЛЬСКОЙ ПЛАСТИКИ. КОММЕНТАРИИ

Балабина В. И.

Доказательство от противного как научный эксперимент?

В обсуждаемой статье и иных работах И. В. Палагута определяет «предметы древнего искусства как результат художественно-образного восприятия действительности». Настаивая на «социальнокоммуникативной функции первобытного искусства», он, с отсылкой к Марксу о «туманных религиозных представлениях», возникающих из «данных отношений реальной жизни», разделяет сферы «сакрального и профанного» у носителей раннеземледельческих европейских культур (в частности Прекукутени-Триполья), вне соответствия общему культурному тексту. Поэтому и ищет закономерности «в сфере сакрального через призму социального контекста», а не наоборот.

Предложенное нашему вниманию исследование посвящено анализу наборов прекукутенско-раннетрипольской пластики, которые «сопоставляются с теми характеристиками социумов, которые можно реконструировать на основе археологических исследований». Этот исходный тезис придется принять за нуль-гипотезу, поскольку перед нами редкий в археологии опыт доказательства от противного как раз в ее рамках. В предыдущем, более лаконичном варианте произведения (Палагута 2011) все статуэтки из наборов интерпретировались как женские, а теперь часть из них считается мужскими. И в том, и в другом случае наборы антропоморфных фигурок соотносятся с соответствующими реконструкциями социума Прекукутени — раннего Триполья.

В первом варианте автору казалось, что наборы изображают «матрон-прародительниц матрилинейных кланов». Их размерные вариации маркируют: (1) статусные различия (матрон?) и «иерархию восходящих к ним групп», либо (2) «систему деления на социально-возрастные группы».

В новой версии теперь уже весьма пространного сочинения прекукутенские наборы антропоморфных фигурок стали изображениями «предков-прародителей». Их «двухуровневая структура» (видимо, по размеру?) позволяет выделить:

(1) «постоянную часть наборов» — такие фигурки должны были соответствовать общим предкам «для всей раннетрипольско-прекукутенской популяции»,

(2) «переменную часть наборов, которая могла быть связана с конкретной группой населения (поколением потомков?)».

Я несколько не сомневаюсь в правильности тезиса о том, что и антропоморфные фигурки, как и зооморфные, использовались в наборах. Но предпочитаю любой набор рассматривать лишь в качестве составляющей пользовательской совокупности. При осмыслении такого рода находок не стоит забывать о «дивной избирательности случая» их обнаружения, памятуя о методике раскопок памятников на протяжении минувшего столетия.

Кроме того, иногда удается обосновать принадлежность групп статуэток к общему фрагменту культурного текста, инвариантно воспроизводимого носителями нескольких археологических культур. Это получается, если правильно выявлены признаки пользовательской классификации. Привнесенное И. В. Палагутой определение «авторская классификация» не удачно. Не подходит для традиционной культуры, где все правила были общепринятыми, иначе предполагаемому «автору» пришлось бы для их объяснения неустанно прибегать к «голосовому комментарию» (в терминологии И. В. Палагуты). По неизменной привязанности к социуму любой из опубликованных им вариантов интерпретации наборов фигурок отражает прямолинейность суждений, описываемую формулой: если $c \neq a$, то непременно $c = b$.

Признаюсь, что работа не только весьма меня заинтересовала, но и вызвала немало вопросов. Предпочитаю начать свой комментарий с раздела о реконструкции социума, который почему-то помещен автором в лесостепь. Однако еще в начале 60-х годов В. И. Бибилова по спискам фауны для трипольских памятников выявила, что граница леса и лесостепи проходила значительно южнее современной. Безусловные маркеры лесной зоны, не живущие по балочным лесам: куница, россомаха, лесная рысь, лесной кот, глухарь, тетерев. Поэтому не вижу оснований для рассмотрения прекукутенской популяции в иной экосистеме. Эта культура-мигрант, как и прочие ранние земледельцы центральной и южной Европы, осваивала речные долины в зоне привычных широколиственных лесов.

По мнению автора, толчком к первичному заселению ареала стал демографический рост. «Очевидность» этого тезиса может и поколебаться на фоне всё умножающихся данных в области палеоэкологии. Их необходимо учитывать (хотя бы климатические кривые для голоцена в бассейне Дуная). Миграция носителей культуры Боян имела несколько волн, двигавшихся не в одном направлении. Вспомним о столь похожей на Прекукутень культуре Марица (в новой терминологии Боян-Марица), распространившейся до Фракии. Не случайно Т. С. Пассек первоначально отнесла керамику Флорешт к Бояну. Но и мигранты, отправившиеся по речным долинам к северо-востоку, не были совершенно отрезаны от остального раннеземледельческого ареала, на их поселениях фиксируются так называемые импорты.

Анализы системы расселения носителей культуры для отдельных периодов (в указанных автором параметрах) уже производились. В этом отношении исследование И. В. Палагуты заполняет лагуну, но реконструкция социума на основе имеющихся археологических данных может оказаться весьма уязвимой. Расчеты по планам не копавшихся крупных поселений придется расценивать как прикидочные, с возможными значительными коррективами, которые могут

появиться лишь через много лет, поскольку на таких памятниках керамические комплексы иногда документируют разновременность построек. Поэтому примерное число обитателей поселка в тех или иных случаях может оказаться весьма ненадежным. Не стоит усреднено восстанавливать и демографию. Выявляемые по материалам некрополей близких культур гендерные и возрастные соотношения таких популяций не всегда стремятся к условной норме. И, наконец, тип малой семьи, зависящий от принятых форм брака, тоже величина неизвестная.

Вынуждена отметить массу стилистических недочетов в тексте, к сожалению, заметно отражающихся на смысле высказываний. Первый в ряду — особая увлеченность словом «структура». Временами его можно встретить трижды в одной фразе: структура поселков затейливо сочетается с кольцевой структурой домов и структурой раннетрипольско-прекукутенского общества. Можно узнать об «участках, заселенных населением...» и многим другим, чего не позволяет комментировать заданный формат. Не избежало путаницы перечисление наборов и комплексов. Вроде бы просто. Первый набор в постройке № 36 из Подури (Прекукутени IIз), а второй — в постройке № 1 из Исайя (Прекукутени III). Однако попутно сообщается, что в постройке № 36 в Подури «было два очага, рядом с каждым из которых обнаружено два комплекса пластики». Соответственно упомянутый первый набор оказывается еще и вторым набором относительно первого комплекса фигурок у очага, в этой же постройке. Более никаких «комплексов пластики» здесь нет, хотя можно было бы ожидать еще пару. Набор из Берешти, описывается как «12 парных фигурок», хотя их всего 12, а пар 6. Он, как выяснилось, отражает «связи локального уровня и наиболее близкие линии родства».

В тексте встречаются и трюизмы: «Постройки с находками “культового характера” часто интерпретируются как “храмы” или “святилища”. Однако их архитектура не отличается от архитектуры других построек». Или: «Наличие в ряде построек артефактов явного или не вполне явного “культового” характера — алтарей, наборов статуэток, бычьих черепов и т. д. — не исключает параллельного их использования в качестве жилищ». Уже лет 25 никто не считает постройки с обилием подобных находок ни храмами, ни святилищами. Слова и тексты об этом уже тогда не встречали возражений в научном сообществе. Тем не менее, благодаря скрупулезному самоцитированию перед нами личная дата автора, осознавшего сей тезис к 2011 году.

И. В. Палагута справедливо акцентирует внимание на «спирально-змеиной» орнаментации, маркирующей посуду Кукутени-Триполья начиная с Прекукутени I. Это действительно документируемая идентификация, не будем забывать и о такой же орнаментации антропоморфных статуэток. Но поскольку очень близкие орнаментальные схемы использовались во всей раннеземледельческой ойкумене Европы (на посуде и на множестве сакрализованных артефактов), полагаю, пора вспомнить и об общем культурном тексте. Он вполне докажем для десятков разновременных археологических культур, изобразительные традиции которых по отношению к нему инвариантны, или, по определению М. Ю. Лотмана, «играют роль комментария».

Это подтверждает и пластика, рассматриваемая в данной статье. В наборе из Подури есть статуэтка, рукам которой придан характерный жест, — одна

рука горизонтальна над грудью, а вторая, опершись на нее локтем, подпирает щеку. Такие жесты можно встретить у сидящих и стоящих изображений ряда европейских земледельческих культур (фигурок и антропоморфных сосудов). Примечательно, что у лица может находиться любая рука, но чаще левая. Обратная позиция — пока исключение, возможно, указывает на «леворукость» исполнителя. Автор почему-то сравнил жест данной фигурки с позой так называемого «мыслителя» — сидящего мужского итифаллического изображения, также известного за пределами раннетрипольского ареала. «Мыслитель» сидит, наклонившись вперед. Положение рук симметрично: локти на коленях, а кисти подпирают голову.

Материалы, введенные в научный оборот в последние десятилетия, позволяют расширить границы континуума носителей данного культурного текста и территориально, и хронологически. В Анатолии, помимо давно опубликованной пластики ЕВА, стали известны серийные материалы поселений, относящихся к EP, PPNA-PPNB. Здесь изображения змей с черепообразными головами появляются на несколько тысячелетий раньше, чем в Европе. На каменных сосудах можно встретить разные варианты поз серпентов: ползущие, закрученная спираль, S-видная спираль. Соответственно текст, который так старались сбересть раннетрипольские мигранты-первопроходцы, восходит не только к раннеземледельческой ойкумене Европы, но опосредованно — к анатолийским охотникам и собирателям, возводившим древнейшие монументальные сооружения, которые сейчас воспринимаются как прообразы храмовых комплексов.

Теперь обратимся к характеристике наборов и соотносимых с ними материалов. Итак, первый (он же второй) набор у второго очага в постройке № 36 из Подури — закрытый комплекс, включающий 21 фигурку. 13 креслиц и два не очень ясных на приводимой фотографии глиняных изделия. Все это находилось в сосуде под крышкой.

Статуэтки различаются по размеру и особенностям моделировки, но каждая из них имеет обозначение женской «дельты», описание которой слегка варьируется в вариантах работы. Когда все фигурки описывались как «женские», у них «прорезными линиями были обозначены: складка внизу живота и лобковый треугольник» (Палагута 2011). В обсуждаемой же работе автор у всех статуэток описывает «складку внизу живота и треугольную складку между ног». Можно отметить отчетливую стеатопигию у 15 наиболее крупных изображений. И. В. Палагута выделяет в наборе несколько групп. Три из них — это крупные орнаментированные статуэтки с руками-выступами.

1) Фигурки с обозначенными грудями и слитными ногами — их шесть. К ним с некоторыми колебаниями добавлена еще одна, вдвое меньшая. Таким образом, в группе 1 либо шесть, либо семь статуэток с близкой орнаментацией, которая, согласно тексту, «очевидно, изображает узорчатую одежду» (отметим и здесь слабо аргументированное высказывание).

2) Фигурки, у которых груди не обозначены, ноги отдельные (но почти сомкнутые) и иная роспись. Их пять. Именно эта группа стала мужскими изображениями.

3) Три крупных фигурки с сомкнутыми ногами, обозначенными грудями и неясными следами росписи.

Еще одна совокупность — маленькие схематизированные статуэтки, их шесть. Если разбирать морфологию подробнее, в пяти случаях торс отсутствует, а голова приставлена к талии, в данном случае равнозначной шее. У одной фигурки можно различить и талию, и обобщенный торс.

Таким образом, статуэтки образуют четыре группы, три из которых — расписные и предположительно расписные, относительно крупные, а четвертая — маленькие схематизированные. Числовая комбинация для набора фигурок из Подури получается следующая: (6 или 7) : (5) : (3) : (6 или 7). В итоге, кратной семи может оказаться лишь одна группа из четырех. 13 креслиц, в свою очередь, не кратны ни крупным статуэткам, ни расписным, ни числу семь. В поисках взаимосвязи среди разновеликих фигуративных изображений автор несколько увлекся. Ему видится то «ритмическая организация структуры набора» указывающая на совместное исполнение песни», то 21 персонаж «в процессе диалога».

Набор из Исаяи с тем же количеством фигурок (21) и креслиц (13), на группы разложить еще сложнее из-за пересечения маркирующих признаков и не столь отчетливых размерных вариаций. У некоторых фигурок отдельные ноги тоже почти сдвинуты (изображения признаны мужскими). Кратной шести или семи и здесь может оказаться лишь одна группа. Соответственно, постулируемая автором для того и другого набора «кратность 7 и 3» не достаточно убедительна.

Фигурки во втором варианте исследования, сочтенные мужскими, выбраны среди прочих по двум признакам: отдельности ног и отсутствию груди. И. В. Палагута сам указывает на шаткость этих оснований, поскольку оба признака возможны у фигурок любого пола.

У мужских статуэток в земледельческой пластике встречается два варианта буквального обозначения пола: (1) изображения с небольшим опущенным фаллом и (2) итифаллические. Те и другие известны в Прекукутени и присутствуют на иллюстрациях к обсуждаемой статье: (1) — (рис. 8: 4, 5); (2) — (рис. 4: 1, 13; 6: 10, 12).

Очень надежный признак мужских персонажей — перевязь через одно плечо, чаще правое, но возможно и наоборот. И. В. Палагута пишет о «портуpee с поясом». Это не совсем правильно. Современная ременная военная портупея не только крепится к поясу, но и надевается на оба плеча, в отличие от традиционной *porte-épée* — перевязи, перекинутой через плечо, для ношения холодного оружия. На мужских статуэтках именно перевязь через плечо, которой пояс сопутствует не всегда. А двойная перевязь через оба плеча характерна для женских фигурок. Признак мужского пола и/или перевязь иногда сочетаются с раздвинутыми ногами, что совсем не равнозначно их отдельности.

К двум рассмотренным наборам из закрытых комплексов автор находит ряд аналогий на памятниках близкого времени. Речь идет о фигурках, как будто находившихся в постройках. Однако значительная их часть может происходить и из слоя, о чем свидетельствует фрагментарность и окатанность, причем формально статуэтки действительно могли фиксироваться в раскопе, накрывающем постройку. То, что там обнаруживалось, обычно считалось принадлежностью постройки (прямо на пашне, над завалом обмазки, в нем, выше пола, на нем и ниже). Все это справедливо для большинства статуэток, найденных

на привлеченных памятниках, даже в Сабатиновке II, где сам И. В. Палагута справедливо отмечает их фрагментарность и возможность перемещения вместе со слоем, но особенно для полуземлянок в Путинештах I, заполненных слоем. Первый комплекс из 7 статуэток у очага в недоисследованной постройке № 36 из Подури тоже может занять место в этом списке — фигурки «находились в слое без контейнера», некоторые из них «были обломаны». Но даже если они действительно с пола постройки, то присутствие в ней контекстно различающихся статуэток может указывать и на разницу их использования. Поэтому вряд ли целесообразно всю массовую антропоморфную пластику рассматриваемого времени соотносить с (пока) известными наборами. Анализ ее контекста и сохранности часто выявляет очень простое сочетание: статуэтки преимущественно принадлежат культурному слою и по большей части они фрагментированные. На мой взгляд, это тоже может указывать на специфику пользовательского контекста, к которому тяготеют какие-то из наборов пластики.

Типология А. П. Погожевой очень удачно уловила стилистические изменения статуэток во времени. Преобладание на памятниках двух наиболее ранних типов (с, d) в соответствующие периоды Прекукутени закономерно, как и их отсутствие позднее. Двух же наборов слишком мало для обобщающего, но неожиданно архаичного по форме вывода об изменении «идеологических представлений» в более позднее время. Информация пока слишком отрывочная. В Прекукутени еще могут встретиться другие наборы фигурок и не обязательно в постройках.

Но вернемся к вводному разделу статьи, где критикуются реконструкции мировоззрения ранних земледельцев Европы, в частности, опирающиеся на внешние этнографические аналогии. Делаются и прогнозы о заполнении «разрыва между материалом и теорией». Особые надежды возлагаются на современные исследования в области культурной и социальной антропологии. Кто же скрывается под этой маской? Известный этнолог Морис Годелье (начинавший как марксист), исследователь первобытных обществ Меланезии, проработавший 20 лет в Папуа — Новой Гвинее среди племени баруйа. Как и все полевые этнографы, он скрупулезно собирал и интерпретировал свои полевые материалы. Позволительно ли переносить детали его реконструкций в иные, слабо прозреваемые реалии? Полагаю, нет. Проведенный нашим уважаемым автором эксперимент можно считать вполне успешным, поскольку поочередное соотнесение прекукутенских наборов пластики с двумя вариантами реконструкции социума для носителей культуры показало несостоятельность данной нуль-гипотезы.

Литература

Палагута И. В. 2011. Об отражении социального контекста в раннеземледельческой пластике // Памятники археологии и художественное творчество. Омск: Изд-во Омского педагогического ин-та, 60–63.